

Г-нъ Н. Лѣсковъ задаетъ вопросъ: „Забыта ли Тарасова могила?“ и отвѣчаетъ на него отрицательно. Высокій крестъ, стоящій надъ кручей, въ которой погребенъ Шевченко, обветшалъ, земля осыпалась, но не потому, чтобы къ могилѣ „заросла народная тропа“.

Напротивъ, „народная тропа“ проторена какъ нельзя болѣе. Въ этомъ отношеніи, кажется, нельзя даже указать никакой другой могилы писателя, къ которому бы родное племя покойника хранило бы болѣе памяти и влеченія. Я бываю въ Каневѣ почти каждый годъ, поэтому я коротко знаю—какъ относится малороссійскій народъ къ „Тарасовой могилѣ“, я самъ ее посѣщалъ не далѣе, какъ прошлымъ лѣтомъ.

Могила Шевченки представляетъ не обыкновенную насыпь въ величину могилы; это цѣлый холмъ или курганъ, насыпанный на самой возвышенной площадкѣ очень высокой горы на правомъ (киевскомъ) берегу Днѣпра. Гора эта, или лучше сказать, по мѣстному „круча“, которою возвышается въ этомъ мѣстѣ берегъ, къ сторонѣ Днѣпра оканчивается обрывомъ, по которому невозможно ни взойти, ни спуститься, а слѣва по крутымъ же скатамъ поросшаго кустарникомъ оврага проторено нѣсколько извилистыхъ „стежекъ“ или тропинокъ, по которымъ надо всходить къ могилѣ. Этихъ „стежекъ“ здѣсь очень много, потому что гора высока и пробирающіеся на нее люди, смотря по своимъ силамъ и неподверженности головокруженіямъ, избираютъ дорожку одни поближе и покруче, а другіе—подалѣе, но поудобнѣе.

Проводниками обыкновенно служатъ дѣти „гончаровъ“ или горшечниковъ, которые живутъ въ хаткахъ „подъ Тарасовой кручей“. Въ послѣдній разъ насъ провожала дѣвочка лѣтъ шести и при каждомъ развѣтвленіи стежекъ „пыталась“: „чи мы очень, чи не очень боимся“. Судя по отвѣту, она брала вправо или влѣво, и доводя такимъ образомъ до „самой могилы“, взбѣжала на нее и сѣла, крикнувъ „отъ се тутъ нашъ Тарасъ“. Такъ же „дивчата“ и сводятъ внизъ, и получаютъ за это „шага“, т. е. „грошъ“, или сколько кто дастъ. Но каневцы и другіе мѣстные люди ходятъ на могилу и безъ провожатыхъ, и эта могила есть самое любимое мѣсто для вечернихъ прогулокъ мѣстнаго простого народа. Могила посѣщается постоянно, и то, что она очень осыпалась, происходитъ именно отъ того, что она не позабыта. Могила осыпалась именно потому, что ея дерновой и булыжной облицовкѣ не даютъ покоя, не дали ей укрѣпиться и сростись. Могила Шевченки по нѣсколько вульгарному, но весьма точному мѣстному выраженію, „разлазяли“, т. е. отоптали ногами ея углы и бока, по которымъ стараются взойти на ея вершину, чтобы точно „посумовати зъ батькомъ Тарасомъ про свою недолю“. Это, конечно, не значить, что „про эту могилу позабыли всѣ почитатели и друзья поэта“. Такое разрушеніе, какое представляетъ могила Шевченки, въ своемъ родѣ утѣшительнѣе неприкосновенной сохранности многихъ и многихъ чистосодержимыхъ монументовъ.

„Такое разрушеніе, какое представляетъ могила Шевченка, говоритъ г. Лѣсковъ, въ своемъ родѣ утѣшительнѣе неприкосновенности многихъ монументовъ“.

Не совсѣмъ понятенъ выводъ, къ которому приходитъ г. Лѣсковъ. Тарасъ—поэтъ народный, потому что онъ проникъ въ духъ малороссійскаго племени, сроднился съ его идеалами и съ его стариной, потому, наконецъ, что онъ доступенъ пониманію каждаго малоросса. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Шевченко извѣстенъ народу. Украинецъ, къ сожалѣнію, также мало знакомъ съ Шевченко, какъ великороссъ съ Пушкинымъ или Кольцовымъ... Могила Тараса посѣщается мѣстными жителями, какъ видно даже изъ словъ самого г. Лѣскова, просто потому что представляетъ „прекрасное и вполнѣ поэтическое мѣстоположеніе“, „видъ на Днѣпръ отсюда—широкій, вольный и вдохновительный“.

Великорусская литература не имѣетъ поэта, который былъ такъ близокъ народу, который бы могъ такъ благотворно вліять на „простыя души“, какъ Шевченко. Но „простыя души“ едва-ли знаютъ своего пѣвца и печальника, хотя бы только по имени. Дешеваго и доступнаго для крестьянина изданія сочиненій Шевченка не существуетъ; откуда же „простыя души“ узнаютъ, что писалъ Шевченко.